

Нарцисса выделялась среди своих охранников лавандовыми мантиями с серебряными акцентами, но Гермиона заметила несовпадающий золотой браслет на простом ожерелье. Ее макияж был столь же безупречен, как и уложенные светлые волосы. Гермиона задумалась о том, могла ли она подготовиться иначе, если бы знала личность целителя, с которым ей предстояло встретиться.

Когда она была моложе, она знала ответ, но сейчас все было не так однозначно.

Гермиона жестом указала на стул. "Пожалуйста, присаживайтесь". Обращаясь к волшебникам охраны Нарциссы, она сказала: "Вас обоих просят подождать за дверью".

Нарцисса сидела, сложив руки на коленях и выпрямив спину; ее охранники оставались на своих местах. Гермиона пристально смотрела на каждого из них, но они отвечали ей пристальным взглядом. В тот момент, когда она уже собиралась открыть рот и сказать им, чтобы они снова ушли, Нарцисса подняла один палец и указала на дверь.

Последний закрыл дверь.

И вот они остались одни.

Гермиона позволила своим глазам блуждать, прежде чем снова остановиться на Нарциссе.

В этот момент она обычно просила пациента рассказать о себе и о том, чего он хочет добиться под ее пристальным взглядом, но сегодня она ждала. В формальностях не было нужды: они знали друг друга - пусть и недостаточно хорошо, чтобы опознать на улице.

Или в ее доме во время войны.

Нарцисса, не желая поворачивать голову или поднимать нос, сканировала все вокруг.

Это не имело значения, Гермиона знала, что видит. В конце концов, они были в ее доме.

На стенах, вокруг белых книжных полок, рядами висели ее похвальные грамоты. Нарцисса смотрела на рамки, изучая каждую, словно считая невозможным, что такая молодая девушка, как Гермиона, достигла столь многого.

Но ей был тридцать один год, и у нее был Орден Мерлина.

Увидев это, Нарцисса перестала придирается.

Это не помогло убедить Гермиону принять ее в качестве пациента.

Это был бизнес, ничего личного.

"Теодор не сообщил мне, что вы - целитель, с которым он договорился".

"Я так и предполагала". Гермiona опустила взгляд на лежащую перед ней папку. "Когда вы просили лучшего", - она подняла глаза, чтобы встретиться с острым взглядом Нарциссы, - "вам следовало уточнить, является ли обязательным условием определенный статус крови".

"Моя просьба была точной". Нарцисса деликатно погладила шелковый вышитый платок.

Гермiona заметила выступивший пот, прежде чем вытереть его. Одно этого симптома было достаточно, чтобы понять, что зелья не помогают. Жаль.

Нарцисса, похоже, заметила ее пристальный взгляд и, сузив глаза, опустила руку. "Вы можете быть троллем, насколько я понимаю, мисс Грейнджер. Однако если вы действительно лучшая, то я нахожусь в правильном кабинете".

"Очень хорошо".

Молчание не было редкостью во время консультаций. Некоторые пациенты с трудом принимали необходимость в помощи, но тот, кто оказался между ними, был другим. Тяжелее. Оно обволакивало Гермionу, проникало в желудок и завязывалось в тугой узел истории. Ее было так много, и она была сложной.

И все же она просила Гермionу о помощи.

Ирония судьбы не покидала ее.

Годы, проведенные в психотерапии, научили ее, что исцеление от травмы - это не только физическое или психическое. Нужно было взять на себя ответственность за освобождение от состояния жертвы, не позволяя прошлым травмам вмешиваться в ее настоящее и будущее.

Она уже простила Нарциссу и её семью. Гермiona забыла об этом много лет назад и не хотела возвращаться к этому мышлению.

Она простила их не ради них, а ради себя.

Она знала, что не сможет развиваться, если будет держать в себе все обиды; не сможет летать, если позволит себе оставаться приземлённой из-за всех тягот своего прошлого.

А Гермiona очень хотела сделать и то, и другое.

Прощение было не действием, а выбором. Это было нелегко, но Гермиона решила не позволять ненависти затуманивать ее рассудок, и это дало ей душевное спокойствие, необходимое для объективного отношения к ведьме, стоящей перед ней.

Она была достаточно отстранена, чтобы рассматривать факты задания, а не пациента.

Правда заключалась в том, что она не могла принять ее в качестве пациента, независимо от того, с какой стороны посмотреть.

У Гермионы были правила, касающиеся пациентов, которых она знала в любом качестве. Она мысленно бросила ржавый взгляд на Тео, потому что он знал об этом с самого начала, но все равно предложил ей сохранять непредвзятость.

"Не желаете ли чаю?" Гермиона вежливым жестом указала на стоящий на столе чайник, зачарованный на согревание смесью, которую она предоставляла во время всех своих первичных консультаций. "Это смесь мяты, кавы и корня валерианы. Хорошо успокаивает нервы".

"Мои нервы совершенно спокойны, спасибо".

"Ммм..." Гермиона заметила едва заметные движения глаз и напряжение в плечах, которые говорили о стрессе, но она не хотела строить предположения о женщине, которую едва знала.

Гермиона сомневалась, что Нарцисса Малфой была такой же. Это было невозможно. Потеря мужа и привычного уклада жизни изменила её, заставила отступить. Она исчезла как из лондонского общества, так и из самой страны, до недавнего времени живя в неизвестной части Франции.

И все же в своем изгнании она была занята.

Через два года после смерти мужа Нарцисса опубликовала рассказ, который Гермиона так и не удосужилась прочитать, но Андромеда прочла его примерно через полгода после выхода в свет. В книге подробно описывалась ее жизнь в семье Блэков с честным рассказом об уходе Андромеды и Сириуса из семьи. Она писала о своем браке, о сыне (без подробностей, так как он пожелал уединиться), о событиях, которые привели к тому, что Волдеморт стал жить в ее доме, и о всех страданиях, которые последовали за этим, вплоть до ее предательства в ночь битвы за Хогвартс.

Андромеда плакала, читая слова Нарциссы, сказанные Люциусу в те последние мгновения, когда он спрятал ее и Драко перед нападением Пожирателей смерти. Еще сильнее она плакала, когда Нарцисса описывала, как горит поместье.

Нарцисса написала обо всем этом: об эмоциях, которые она испытывала, о боли, о параллелях

между ее судьбой и судьбой поместья, которому суждено быть одновременно поглощенным и сохраненным нескончаемым магическим огнем.

Книга была воспринята как пронзительный и суровый, но честный рассказ о путешествии Нарциссы по ту сторону войны.

Этот бестселлер вознес ее на вершину славы после жестокой войны.

Гермиона гадала, сохранила ли Нарцисса те же предрассудки, которые были привиты ей с рождения, или война научила ее тому, что есть лучший путь. Заметить в себе фанатизм было трудно, а изменить - еще труднее, но это можно было сделать.

Возможно, перемены уже укоренились. Гермиона не могла этого знать, потому что Нарцисса была скрытной и гордой женщиной. Но только тем, что она создала, преодолела и достигла. Именно в таком порядке. Остальное было слишком туманно, чтобы Гермиона могла разбираться с пациентом, которого она не собиралась приобретать.

Она переждала молчание, потягивая свой чай - зелёный со свежим лимоном из оранжереи. Гермиона бросила быстрый взгляд на другую женщину и продолжила делать записи для Роджера Дэвиса, которому она собиралась передать дело Нарциссы.

Ему бы понравилось такое испытание.

"Я думал, вы зададите больше вопросов, мисс Грейнджер".

"Что бы вы хотели, чтобы я спросила?" Гермиона положила локти на подлокотник кресла, расслабилась, постукивая кончиками пальцев, и посмотрела светловолосой ведьме прямо в глаза. "Я прочитала ваше досье. Три раза".

"Может быть, вы поинтересуетесь моим текущим состоянием?"

"Я не специализируюсь на вашем состоянии, но, судя по тому, что я заметила, эликсиры и зелья, которые вам прописали, либо не работают, либо неправильно сочетаются, либо вы не принимаете их последовательно". Затем она взмахнула рукой, и чайник поднялся со стола, наливая горячий чай в стоящую перед ней стеклянную чашку.

Нарцисса на мгновение замешкалась, прежде чем поднять чашку и сделать глоток.

"Я заметила, что сейчас у вас наблюдаются симптомы. В основном потливость, но если бы я запустила диагностические чары, то, скорее всего, обнаружила бы у вас повышенный пульс и кровяное давление. Вы особенно тщательно следите за своим макияжем, вероятно, потому, что он скрывает тот факт, что вы плохо спите и испытываете дневную сонливость. Я налила вам чай, потому что вы, похоже, не доверяете себе. Не роняли ли вы что-нибудь в последнее время

из-за дрожи? Вы оказывались в каком-то месте, не помня, как туда попали? Путали ли вы личности людей? Хотя бы изредка?"

Гермиона заметила, как слегка дернулась челюсть Нарциссы, что подтвердило ее наблюдения и дало ответы.

"Такова природа вашей болезни. У меня нет вопросов по поводу того, что я уже знаю".

Нарцисса поставила чашку на блюдце. "Похоже, Драко не преувеличивал в своих детских рассказах о твоём интеллекте".

"Это моя работа - быть наблюдательной". Гермиона подавила смешок.

Они вместе пили чай, но ни один из них не заполнил тишину на несколько мгновений.

"Я знаю, что ты думаешь о том, что я пришла просить тебя о помощи после того, что произошло между тобой и моей сестрой".

Ее тон был настолько серьезным, что побудил Гермиону к откровенному признанию. "Честно говоря, пока вы не прошли через мой флуо сегодня, я почти не думала о вас... Ну, разве что ваша вторая сестра упоминала о вас".

Это случалось нечасто.

И не зря, судя по каменному выражению лица Нарциссы.

На протяжении многих лет Андромеда, казалось, стремилась восстановить отношения с младшей сестрой, но этого не происходило. Она говорила об этом, писала письмо за письмом, но так и не отправила ни одного. Гермиона гадала, изменит ли ситуацию известие о болезни Нарциссы, но не ей было передавать эту информацию.

.
. .
.

Продолжение следует...

А пока поддержи мою книгу лайком и 5звездами, спасибо!

Приятного чтения =)

<http://erolate.com/book/4183/122881>